

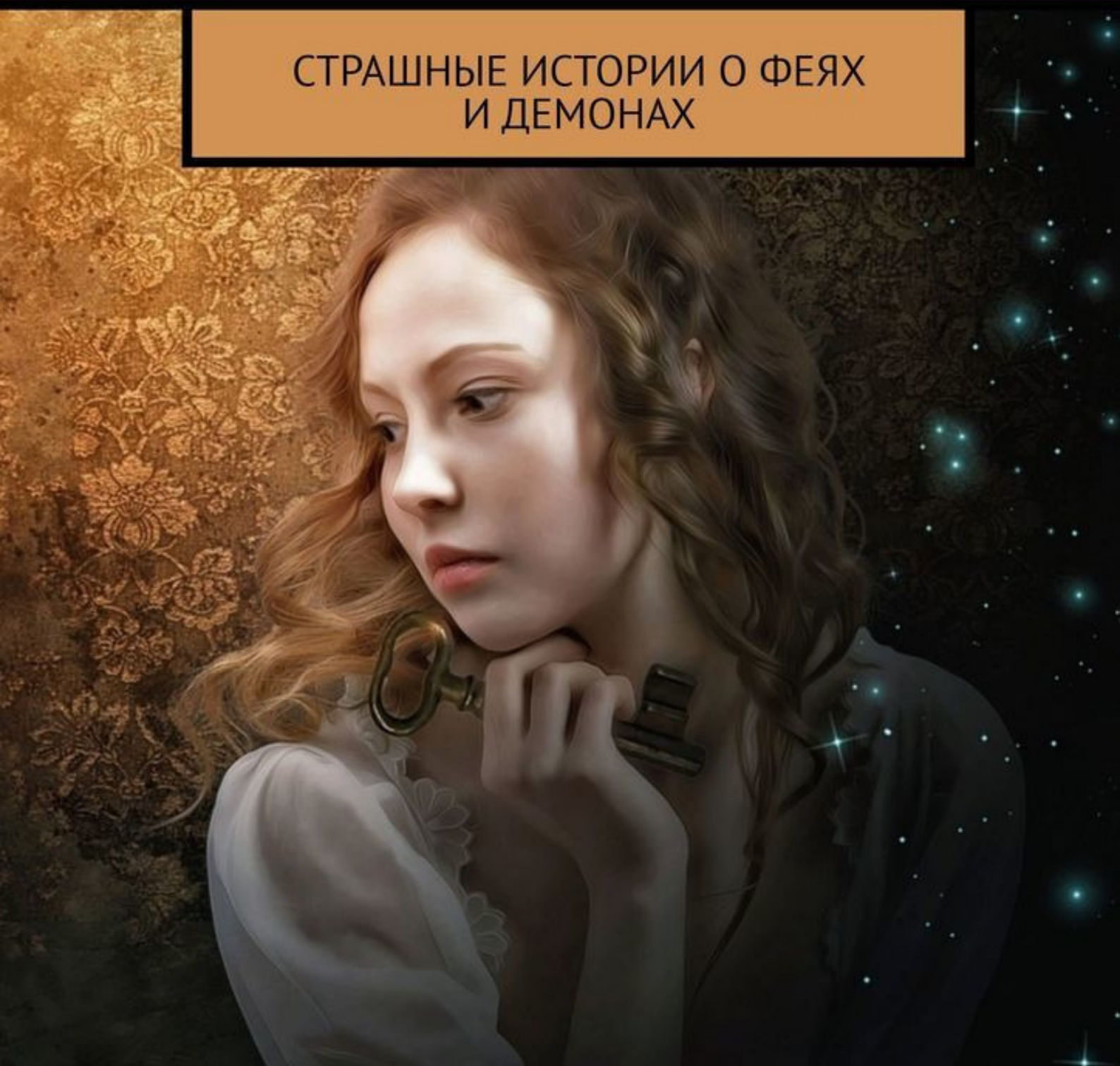
18+

НАТАЛИ ЯКОБСОН

ФЕЯ ГОБЕЛЕНОВ

СТРАШНЫЕ ИСТОРИИ О ФЕЯХ
И ДЕМОНАХ

Натали Якобсон

**Фея гобеленов. Страшные
истории о феях и демонах**

«Издательские решения»

Якобсон Н.

Фея гобеленов. Страшные истории о феях и демонах /
Н. Якобсон — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-986001-9

Люди легко попадают в паутину волшебства и становятся игрушками в руках сверхъестественных сил. Но стоит ли вырываться из паутины чар? Каждый решает для себя сам. Анита становится заложницей в доме, где злая фея ткёт гобелены из крови жертв. Лотта плетёт венок из крапивы голыми руками, чтобы спасти сестру из хоровода фей. Бланшифлер встречает черного эльфа и заключает с ним опасную сделку. Эжен читает книги о демонах и случайно открывает им путь в этот мир.

ISBN 978-5-44-986001-9

© Якобсон Н.
© Издательские решения

Содержание

ФЕЯ ГОБЕЛЕНОВ	6
ВЕНОК ИЗ КРАПИВЫ	10
ПОЕДИНОК С МЕЧТОЙ	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Фея гобеленов

Страшные истории о феях и демонах

Натали Якобсон

© Натали Якобсон, 2026

ISBN 978-5-4498-6001-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ФЕЯ ГОБЕЛЕНОВ

От мертвой подруги брата остались лишь пазлы – целая коллекция, прибитая к стенам.

– Они похожи на картины, покрытые легкой паутиной. И от них... – Анита ощутила холод, язык будто отмерз, и невозможно было досказать мысль до конца.

– Я знаю, что тебе холодно, – шепнул чей-то голосок в мозгу. Наверное, показалось.

Анита рассматривала картины, собранные заботливой рукой по кусочкам, как музейная мозаика. Тут и фэнтези, и пейзажи, и натюрморты, и морины, и групповые сцены. В основном акцент сделан на волшебные детали, которые иногда с трудом просматриваются в самых обычных на вид картинах. Все собранные пазлы бережно склеены и вставлены внутрь изящных рамок, подобранных по размеру. Тут сложно удивиться. Тот, кто хоть раз в жизни собирал пазл в тысячу и более деталей, знает, какая это кропотливая работа. Такие игрушки предназначены для того, чтобы, собрав их однажды, потом уже не рассыпать, а прибивать к стенам для украшения интерьера. У самой Аниты никогда не хватало терпения собрать большой пазл до конца, поэтому мастерство другого она уважала. Особенно хорошим был выбор картин. У бывшей девушки брата был отличный вкус. Все изображения яркие и радужные, а вот в доме рядом с ними собирается мрак. Наверное, все дело в том, что дом старый и угрюмый. Здесь даже днем сумрачно.

– Тут целая выставка! – Анита ходила по коридорам, рассматривая пазлы в рамках. В угрюмом доме яркие картины должны были создавать хорошее настроение. А вместо этого приносили нечто пугающее. Странно, смотря на них, будто танцуешь на радуге, так откуда же ощущение зла. Не может же внутри сказочного пейзажа вдруг открыться черная дверца в ад.

– Ни в коем случае их не снимай! – предупредил брат.

– Хорошо. Хотя странно...

– Что?

– Они будто живые.

– Это же компьютерная графика, если заметила, тут нет ни одной классической картины. Аспазия любила только современных художников, которые создают картинку на основе наброска или фото, обработанного графически. А сбор пазлов она сравнивала с тканьем гобеленов.

– Что за сравнение? Она была реставратором в музее?

Но брат уже ушел. Картины мертвой девушки смотрели на нее живыми глазами. Кругом феи, эльфы, русалки и целые компании волшебных существ, а глядят, будто из ада.

Ну и рукодельница была Аспазия. Аспазия! Что за имя? Какого усердия стоит все это собрать своими руками? Анита нашла одну коробку и попыталась собрать уже начатый пазл. Ничего не вышло. Раз он уже был начат, значит, Аспазия умерла, так и не успев его собрать. Действительно напоминало кропотливое вязание: петля в петлю. Все детали такие мелкие. Так и ослепнуть можно!

Анита разворошила целую грудку деталей и так и заснула среди них, ничего не собрав. Снаружи дождь стучал в окно. В сон проникало пение на непонятном незнакомом языке. Это и ни английский, и ни французский, ни немецкий, даже не экзотический арабский язык. Он вообще как будто нечеловеческий. Всего лишь смешение звуков и нот. Наверное, на таком языке говорят эльфы в лесу.

Во сне Анита ворошила детали не собранного пазла. Ей снилась прекрасная златокудрая женщина, ткающая гобелен нить за нитью. От ее песни болели уши. Звук отдавался, как удары в котле.

На женщине роскошное старинное платье зеленого цвета. За спиной сверкающая накидка. В курчавых волосах колпак с вуалью. Она сама напоминает картинку из музея сред-

невековья. Ей бы скорее быть королевой, чем трудиться над гобеленом. Часть нитей от гобелена она зачем-то наматывает на веретено. Тут что-то неправильно. В производстве гобеленов веретена ведь не использовались.

Наутро Анита проснулась. Пазл был собран. Кругом на полу копошились серые мыши. Нет, какие-то существа, а не мыши! Анита вскрикнула, и они разбежались по углам.

На пыльном полу остались цепочки следов, скорее напоминающих миниатюрные человеческие стопы, чем мышинные лапки.

В этом доме можно сойти с ума! Какие только твари не завелись в подвалах за тот срок, который дом не ремонтировали. Наверное, он вскоре рассыплется от ветхости. Если б не крайняя нужда, Анита ни за что бы не согласилась провести каникулы здесь. Лучше было уехать на все лето куда-нибудь к морю на солнечное и жаркое побережье. Здесь, в мрачном старом особняке, даже лето выглядело, как поздняя осень. Небо над крышами вечно пасмурное, парк за оградой почти лишен листвы, большей частью в нем растут колючие кусты и шипастые деревья. Даже погулять негде. Единственное приятное для взгляда, что здесь есть, это яркие пазлы-картины. Но от них почему-то пробирает мороз по коже. Причем чувство страха перед изображениями эльфов и фей стало куда сильнее, чем было в первый день приезда.

В угрюмом саду под колючими ветвями чернел надгробный камень. Вроде бы ничего удивительного, что на территории особняка есть захоронения. Тут ведь веками жили поколения одной аристократической семьи. Не ее семьи. Отец Аниты купил это имение у какого-то разорившегося аристократа. Тот умер, так и не успев уехать отсюда. Его вроде бы похоронили здесь. Наверняка, где-то поблизости и склеп имеется.

После чудной покупки отец тоже долго не прожил. Он подцепил какую-то инфекцию, от которой вся кожа покрылась язвами, похожими на следы крошечных рук, и умер. Теперь поместьем владели Анита и ее старший брат Марк. Хотя что толку от такого владения? На ремонт особняка уйдет куда больше денег, чем можно выручить за его продажу. А не отремонтируешь его, то он скоро развалиться. По стенам и потолку уже пошли трещинки, похожие на паутину. Они будто нарочно повторяли изгибы соединения деталей пазлов. Такое ощущение, что весь дом собран по кусочку чьей-то умелой рукой.

Тут было совсем не чем развлечься: ни телевизора, ни спортивного зала, ни даже библиотеки. А уж книги в старинном особняке уж точно должны были где-то храниться. Естественно, ветхие и потрепанные. Но как же без них? Все аристократы собирали свою библиотеку. Почему же в этом доме иначе?

Анита проходила по комнатам весь день, но библиотеки так и не обнаружила.

Ночью ей снова приснилась женщина. Ее пальцы быстро переплетали нити гобелена, песня лилась в такт работе. Какие-то странные существа, подобные сказочным лепрехунам, скакали вокруг ее подола и станка. И вдруг все нити в крови. Они тянутся из крови. Из ее крови! Гобелен плетут из крови и вен Аниты.

Она проснулась в ужасе.

Сон был таким реальным. Она смотрела его будто фильм на экране с собственным участием, и в этом фильме ее разделявали, как в пыточной. Острое веретено ножом впивалось ей в грудь, не давая ни дышать, ни шевелиться. А прекрасная поющая женщина вытягивала из нее вены одну за другой. Боль во сне тоже была реальной.

Так сильно перепугать ее не смог бы даже убийца с ножом, вломись он сейчас в пустой дом, где даже телефона нет, чтобы вызвать полицию. Даже в обычном убийстве нет того зла, которое присутствовало во сне. В действиях ткущей женщины было нечто адское.

Анита вышла в парк. Нужно немного пройтись, иначе она сойдет с ума от долгого пребывания в душных угрюмых помещениях. Даже пазлы на стенах уже не радовали.

Своей машины у Аниты не было, но можно было попробовать добраться пешком до ближайшего селения. Когда Марк вез ее сюда, по дороге она заметила что-то вроде крошечного

городка. Там должен быть бар или паб. Сейчас ей нужно посидеть в людном месте и с кем-то пообщаться, но выход из парка как назло было не найти. Территория поместья оказалось слишком большой. На дорожках, расходящихся лабиринтом, легко заблудиться.

Анита почти споткнулась о могилу под деревьями. Эта та самая, которую она видела из окна. Надгробный камень черного цвета. Насыпанный холмик земли совсем свежий. Его недавно разрыхлили лопатой. Марк говорил что-то о том, что его девушку пришлось похоронить тут поблизости. Вероятно, это она. Больше быть и некому. Кто еще жил и умирал в поместье за последние десять лет? Только ее отец, тот старый аристократ и подружка брата. Но надпись на камне почему-то гласила Этна, а не Аспазия. Возлюбленную брата точно звали Аспазией. Он даже какой-то мадригал сочинил в ее честь, совсем как рыцарь из былых времен. Стихи были посвящены Аспазии. Анита нашла их в альбоме, который Марк забыл в доме, когда уезжал. А может, просто не хотел брать его с собой. А кто же такая тогда Этна? Тело Аспазии точно захоронено где-то рядом. И колючий сад является для места захоронения отличным обрамлением.

Неприятно жить рядом с могилкой. Анита почти бегом кинулась от нее прочь. Почему-то от сырой земли исходило нечто такое же давящее страхом, как от ярких пазлов в доме. Но вернулась Анита все же назад к коллекции пазлов. Уже вечерело, и ночевать под открытым небом ей совсем не хотелось.

В доме было еще темнее, чем обычно. Аните пришлось приложить усилие, чтобы включить лампу. Электрический свет выхватил надпись под пазлом, висящим в раме в прихожей: «Этна». Не то ли это самое имя, которое начерчено на надгробии.

На пазле изображена хорошенькая юная блондинка, которая попала в лапы какой-то мифической твари с рогами, крыльями и когтями.

Такое чувство, что этот сюжет является предостережением. Анита быстро отвернулась. На многих других картинах, где танцевали под луной эльфы или проказничали феи, тоже можно было обнаружить сценки насилия над смертными, которых она почему-то не заметила раньше. А теперь задержала на них взгляд, и пол под ногами дрогнул. Началось землетрясение? Анита перепугалась. Казалось, что стены тряслись, а пазлы норовили выпасть из рам и снова рассыпаться по кусочкам. Живые существа внутри них будто требовали, чтобы их отпустили. Шум начавшей грозы за окнами напомнил ор сотен вопящих об отмщении голосов.

Чего только не покажется, когда долго остаешься наедине с мрачными серыми стенами заброшенного дома. Пора было ложиться спать. А засыпать было страшно. Сны, как дверь, проводили к тому, чего видеть не хотелось. Анита долго бродила по дому, оттягивая момент, когда придется лечь в постель. Нужно уезжать отсюда. Но куда? Где еще ей забесплатно предоставят ночлег? В гостиницах дорого и неудобно. А здесь старинная кровать под пыльным балдахинам, будто создана для принцессы. Но ложаешься на нее, Анита упорно ощущала себя не принцессой, а жертвой.

В третьем сне она подошла близко к женщине. Вблизи та уже не казалась такой красивой. Наоборот она ссутулилась, сгорбилась, скукожилась, как старуха, а романтическая накидка за ее спиной оказалась двумя обвисшими черными крылышками.

– Зачем ты мучаешь меня? – вопрос возник сам собой, будто истерзанная душа Аниты спросила ее губами.

Женщина подняла глаза. Не женщина – фея. И глаз у нее не было. Корявая сильная рука вцепилась в волосы Аните, заставила ее наклониться над незаконченным гобеленом.

Шепот феи показался бессмысленным.

– Я отдала свои глаза им, чтобы они следили за вами, людьми, с гобеленов. А ты отдашь мне за это свои глаза. Ты же всегда любила читать сказки о феях. Пора платить!

Боль оказалась обжигающей. Кровь капала на гобелен, а фея похорошела.

Пробуждение было болезненным. Солнечный свет обжигал. С пазлов смотрели глаза шпионов. Теперь она точно знала, что это шпионы.

– Все, как в случае с Этной, – шепчет над мертвым одром Марк. – Мне не стоило при-
возить сюда близких мне людей. В доме, наверняка, какая-то инфекция.

– Она долго не проживет!

Это слова доктора. И вздох брата. Последний ехидно улыбался. Кажется...

А потом было темное пространство на радужной картине. Отсюда не выбраться. Кругом выются то ли нити, то ли детали пазла. Она внутри пазла? Похоже на то! Только тут не радужно, как кажется снаружи. Тут тесно и холодно, а глазам больно смотреть во внешний мир. И разглядеть удастся лишь дом, по которому снова гуляет Аспазия, почему-то надевшая ее платья. Во всяком случае Марк и его немногочисленные гости называют эту женщину Аспазией. Она снова живая и никому это не кажется странным. Брат, как загипнотизированный ходит за ней, и даже прислуживает, как рыцарь своей даме. От него такой тактичности и мама не могла дожидаться, а эта хрупкая женщина, похожая на средневековую фею, его покорила. А может она и была феей, которой глупые очарованные парни приносят в жертвы своих сестер и подруг. В угловом помещении дома появилась мастерская то ли реставрации, то ли ткачества гобеленов. А в саду под зарослями можжевельника теперь лежит надгробие с высеченным на нем именем Анита. Кажется, такое же раньше было у Этны. В том же самом месте. В одном месте не могут сразу уместиться две могилы. Но вот надпись одна и та же может быть и под гобеленом в музее, и на надгробии в саду. Под одним пазлом в доме тоже теперь написано Анита. А внутри этого пазла тесно и темно. Уж сама-то Анита точно это знает.

ВЕНОК ИЗ КРАПИВЫ

– Я пойду танцевать с феями сегодня ночью, – с заговорщическим видом сказала Лида. После этого она не вернулась. Дочь аптекаря, ходившая на такие же танцы под луной, не пропала, но сидела теперь в лавке отца неподвижная и глухая, как кукла. Она не была способна даже открыть дверь покупателям или подать микстуру. И что самое удивительное отец не сумел помочь ей ни одним лекарством. Девушка впала в ступор. Все считали, что ее бросил парень, с которым она встречалась в сумерках, но Лотта точно знала, что девушки из деревни ходят ночью на пляски с феями. Не все! Лишь те, которым встретились на безлюдных дорогах странные незнакомки и пригласили их танцевать. Лида рассказывала и, судя по всему, теперь очутилась в плену у фей. Стоит ли пытаться вызволить ее оттуда или по возвращению назад к людям она станет одеревеневшей и безучастной к жизни, как Мими, аптекарская дочка. Лотта специально зашла в аптеку, чтобы еще раз на нее посмотреть, выдумав дурацкий предлог, что ей нужны капсулы от бессонницы. Пока фармацевт их искал, она разглядывала Мими, неподвижно сидящую в кресле-качалке у входа. Окошко возле нее было зашторено. Девушки почему-то становилось больно от солнечного света. Вот и сейчас на щеке у нее пепелился ожог, не красного, а черного цвета. Сама кожа распадалась, как зола.

– Редкая болезнь кожи, – пояснял аптекарь.

От какой болезни кожа может стать тонкой, как паутинка, приобрести мертвенный фарфоровый цвет и распадаться золой от лучей солнца? Заболев, Мими чудесным образом стала раскрасавицей, но ни двигаться, ни говорить не могла.

«Ее воля в плену», вспомнила Лотта выражение из старой книги сказок. «Все это фрукты фей!». У Мими на коленях действительно лежала странная долька какого-то фрукта. Птички давно могли склевать ее, но не смели. Сама девушка давно уже ничего не ела, но сочная долька не сморщилась. Она напоминала вырванный у кого-то язык.

– Съешь меня! – Лотте не послышалось? Когда она проходила мимо с упаковкой таблеток от бессонницы с ней заговорила долька фрукта? И она же подскочила на коленях у Мими прямо, как живая. Да, и мертвые глаза Мими на миг стали злобными и осмысленными. Но Лотта прошла мимо.

Первым делом нужно спасти собственную сестру. С Мими разберемся потом. В старой сказочной книге она читала в детстве самые разные предания о феях и их забавах со смертными. Там было сказание «Волшебные фрукты» о девушке сестру которой соблазнили феи уговорами попробовать такие плоды. Они сладкие, но отведав их, человек оставляет свое сознание в плену в царстве фей, домой приходит лишь пустая оболочка. Или не приходит вообще, как в случае с Лидой. Но плененного человека можно спасти. В сказки сестра пострадавшей пошла к феям и когда они в свою очередь предложили ей пагубные фрукты, отказалась от них. Феи пытались накормить ее насильно, размазывали сок плодов по ее коже и сомкнутым губам, но спасительница сестры продержалась до утра. Если продержишься до утра, то феи обязаны отпустить твою сестру. Лотта что-то упустила? Она нахмурилась. Ей не хотелось всю ночь сопротивляться феям из-за сомнительной возможности освободить сестру. Но что если другого выхода нет? Что если Лида никогда не вернется даже в бессознательном состоянии? Все подумают, что она сбежала с возлюбленным? Или что ее убил маньяк?

Но ее точно пленили феи. Лотта была в этом уверена. В ночь, когда Лида ушла танцевать, она видела сон. Ее звал голос. Призрачные фигуры манили ее с луга. Их был целый хоровод. Луна просвечивала сквозь крылатые тела.

– Идем танцевать! – шептали неземные голоса.

Только один голос, грубый и старушечий, вдруг произнес:

– Не танцуй с ними без венка из крапивы. О такой венке они обожгутся и не смогут тебя тронуть.

Это точно был голос ее покойной бабушки – знахарки, знаменитой своими травяными настоянками на всю деревню. Уж она то легко бы сделала какой-нибудь отвар, чтобы вывести из организма Мими отраву фей. К сожалению, она умерла раньше, чем передать внукам свои навыки. Может быть, в отместку ей они и утащили ее внучку. В свое время бабушка Лотты спасла из сетей нечисти ни одну плененную душу. Вспомнить хотя бы жуткую рану лесоруба, который уверял, что руку ему откусил тролль. Обрубок действительно начал обрастать какими-то шипами, которые шевелились, как самостоятельное существо и норовили кого-то цапнуть. Если бы не мази старой знахарки, то лесорубу пришлось бы обрубить себе руку по плечо, потому что она начала мутировать.

Теперь сама Лотта в ужасе смотрела на заросли жгучей травы. Даже в кожаных и перчатках рвать ее будет больно.

– К хороводу фей следует идти исключительно в венке из крапивы, – звучал глубоко в подсознании назидательный голос мертвой бабушки.

Что ж, если она так заповедовала. Перчаток у Лотты с собой не было. К тому же она припомнила, что рвать крапиву для венка нужно исключительно голыми руками, иначе ее сила против фей не подействует. И она стала рвать стебель за стеблем. Пальцы тут же обожгла невыносимая боль, на нежной коже вздулись волдыри, но Лотта утешала себя тем, что освобождение сестры того стоит. Не плохо чувствовать себя отважной героиней из сказки, но рвать крапиву оказалось невыносимой пыткой. И все же она справилась. А кто-то любопытный наблюдал из чащи, как красавица то плача, то чертыхаясь, рвет жгучую молодую крапиву, а потом плетет из нее венки голыми руками.

Как ни странно, венки получились роскошными. Крапивные листья в качестве венка очень красивы. В этом венке Лотта сама напоминала фею весны. Только вот венки слегка обжигали лоб даже через челку. Наверняка останутся волдыри.

Лотта нахмурилась. Не нужно ли было, пока она плела венки, напевать какое-то заговор, отгоняющий злые силы? Теперь уже не важно. Дело сделано. Венки из крапивы сплетены, а смазывать ожоги нельзя, пока не вызволишь сестру. Но куда идти, чтобы ее освободить? Где собираются на пляски феи? В березовой роще? В заповеднике? На берегу быстрой речки? В лесу? Кругом так много укромных уголков, где можно танцевать вдали от посторонних глаз. Деревенские девушки, охочие до забав, легко находили место, где танцуют феи. Только вот их проблема состояла в том, что их на эти танцы пригласили, а ее нет. И никаких прелестных незнакомок с цветами, прорастающими прямо в коже, на ее пути пока не встретилось. Некому ее позвать.

Лотта наугад пошла по тропинке. Кругом пахло полынью, дубовой корой и хвоей. Вот и зашла она в ту часть леса, куда никто не ходил. Тропинка здесь была едва протоптана, и кругом никого. Ни людей, ни зверей, ни даже поющих птичек. Лишь уродливое корявое дерево стоит на развилке. Лотта двинулась к нему. Наверное, со зрением у нее от чего-то стало плохо, потому что стоило дойти до дерева, и это уже не дерево, а забавный паренек в причудливой зеленой одежде. Покрой похож на старинный камзол.

– Ты сбежал из музейной витрины? – Лотта обескуражено уставилась на него. Обычно она никогда так нагло не вела себя с людьми, но паренек оказался таким симпатичным. Его захотелось подразнить.

Он воззрился на нее ни чуть не менее удивленно, чем она у него. И глаза у него такие огромные, ярко-зеленые, как два сверкающих изумруда. А веснушки на щеках почему-то не коричневые, а золотистые. И волосы по плечи тоже цвета пшена. Ну, прямо принц из сказки. Наверное, актер из проезжей труппы. Только что он делает в дремучем лесу? Охотиться за девушками? Или ищет на свою голову неприятностей?

– А как ты сюда забрела? – полюбопытствовал он. – До сих пор сюда никто не заходил.

Лотта приоткрыла рот от изумления. Что он такое говорит? Будто хозяином чаши себя возомнил. Она хотела ответить что-то резкое, но осеклась, заметив, какие острые у него кончики ушей. Он как раз отвел пшеничную прядь за ухо. И пальцы у него с длинными изумрудными ногтями. Неужели эльф? Она попыталась заглянуть ему за спину, чтобы проверить трепыхаются ли за ней крылья. Спереди был виден лишь элегантный, хоть и старомодный наряд.

– Да у тебя все руки обожжены, – присвистнул вдруг парень.

Откуда он знает про ожог? Она же прячет руки за спиной. Как он разглядел?

Эльф между тем осторожно взял ее руку чуть повыше локтя, чтобы не коснуться травм.

– Такая нежная кожа и в волдырях, – печально протянул он, будто его самого чем-то обидели. – Хочешь, я тебя исцелю. Я знаю один источник...

– Нет, спасибо!

Он стал вдруг еще грустнее, будто она его ударила. Лотта смотрела на его ресницы солнечного цвета. Казалось, сейчас под ними блеснет слезинка.

– А хочешь сплясать на этом перекрестке. Со мной?

– Не с тобой!

– Ну, если ты от меня ничего не хочешь, тогда нам придется расстаться. Спрошу в последний раз...

– Ты мое кое в чем мне помочь, – пришло ей в голову.

– Да? – эльф явно обрадовался. За спиной у него вдруг затрепыхались настоящие крылышки. – Проводи меня на пляски местных фей.

Он снова присвистнул от удивления.

– А ты тот еще сюрприз. Хочешь снова обжечься? Пляски фей опасное место для такой, как ты.

– Не важно!

– В следующий раз тебе могут обжечь лицо, а не только руки.

– Все равно идем!

– Но это, правда, опасно. Я тебе не лгу.

– Разве ты не с ними заодно?

Эльф загадочно улыбнулся.

– У всех иногда возникают разногласия.

Правду ли говорят, что эльфы это кавалеры фей? Некоторые источники в этом не сходились. И вообще похоже на то, что феи давно перессорились со всеми своими кавалерами, иначе зачем им приглашать на пляски кого-то из деревни. Так что Лотта решила верить эльфу, но все равно держалась настороже. Они пошли по зарослям, где внезапно обнаружилась узкая тропка. Эльф шел впереди. Повсюду пахло совсем не лесными растениями: жимолостью, жасминами, даже розами. Больше похоже на ароматы сада

– Кстати, твой наряд совсем не подходит, – эльф обернулся, чтобы окинуть пренебрежительным взглядом ее длинный цветастый сарафан. И вдруг платье стало другим. Зеленым, как змеиная кожа, пышным, приталенным, с такими широкими раструбами длинных рукавов, что они чуть не подметали землю. Похоже на средневековый наряд.

– Зачем?

– А как ты думаешь? В деревенском платье ни одна фея не примет тебя за свою.

– Мне это и не надо!

– Скоро увидишь, что надо! Кстати, ты мне нравишься, – он попытался ее обнять. Это оказалось странно приятно. Куда приятнее, чем объятия простого парня. – Ты красива! Но веночек тебя портит.

Лотта поняла, что он боится обжечься. Если веночек из крапивы обжигает фей, то и эльфов, наверное, тоже.

Вскоре они пришли. Еще не стемнело, а на лугу уже звенел мелодичный смех. Там плясали красавицы. Ступни у всех были босыми. Руки когтистыми. Спины крылатыми. Они двигались так стремительно, что казались опасными. Могут и с ног сшибить, если приблизиться к ним. Вся картина напоминала половецкие пляски, а если учесть, что у некоторых фей еще росли рога или шипы из кожи, будто у живых роз.

– Ну, иди! – эльф подтолкнул ее.

С бескрылой спиной Лотта почувствовала себя глупо. Зря ее новый знакомый старался. Они с первого же взгляда поймут, кто она такая.

И феи поняли. Едва сухая ветка хрустнула под ее ногой, как десятки пар удивленных глаз устремились на нее.

– Сама пришла, – не поверила фея с ветвистыми рогами, как у оленя.

– Иди сюда, милая, – почти ласково позвала ее фея с растущими из кожи выюнками. – Угостись дарами нашей земли.

Как раз начало смеркаться, а на лугу вдруг возник праздничный стол с корзинками спелых фруктов. Лотта окинула его взглядом. Это и не сливы, и не персики, и не яблоки, и не абрикосы, даже не манго или айва. Всем фруктам здесь просто нет названия у людей. Но как они соблазнительны.

– Съешь меня! Съешь! Откуси! Глотни наш сок! Прокуси кожицу! – пищали тонкие голоса от стола.

Это фрукты разговаривают с ней? Ей не снится? Лотта перевела взгляд на фей. Нет, не снится.

– Не хочу! – твердо произнесла она.

Рогатая фея щелкнула пальцами, и стол исчез, а плоды с него разбежались по траве мерзкими цветастыми существами. Ну и ну! И она чуть было от такого не откусила!

– Не ломайся! – одна из фей подошла к ней, протягивая красный плод. Лотта ощутила вдруг, что не может двигаться, будто все тело связали веревками. Так сковывают чары фей. Эльф стоял за лугом под сенью вяза и за всем наблюдал с безопасного расстояния. Он помогать точно не станет. Скорее всего, забавляется видом ее беспомощности. Фея сунула фрукт прямо в губы неподвижной Лотте.

– Откуси!

Еще чуть-чуть и пришлось бы. Но тут фея вскрикнула сама – обожглась, случайно задев веночек.

– Оставь ее! – рогатая фея сориентировалась первой. – Не хочет есть, пусть не ест. Давайте лучше с ней танцевать.

Все разом захихикали, будто это означало: давайте столкнем ее с обрыва. Зазвучала музыка. Лотта ощутила, что свободна. Двигаться она могла, но из хоровода фей выйти не удалось бы. Ноги сами пустились в пляс. Вот в чем шутка фей. Она не сможет остановиться, пока они ей не разрешат. Так можно плясать столетиями. Она состарится и умрет, так и не в силах остановиться. Нужно что-то делать.

Как раз засеребрился над лугом лунный свет. Лотта выдернула несколько крапивных листиков из своего венка и швырнула в лица танцующих рядом фей.

– Жжется! Мерзавка! – несколько фей попытались пихнуть и поцарапать ее, но каждая вновь обожглась о ее веночек. Как так выходит? Их когтистые руки тянутся к ее плечам и лицу, а напарываются неизменно на крапивный веночек. Он притягивает их, как магнит.

Рогатая фея попыталась вцепиться ей в горло, и обожглась сильнее всех. Ожоги не проходили моментально, что для фей было особо удивительно.

– Что ты хочешь?

– Отпустите сестру.

Соглашаться феям не хотелось, но ожоги вздувались волдырями на их коже все сильнее.

– Ладно. Это малость, – решили наконец они.

– Нужно же быть побежденными деревенской знахаркой, – причитали они, уходя.

Не слишком ли легко они сдались? Лотта недоверчиво смотрела им вслед. Пестрая крылатая стайка быстро исчезла. Вместо них на лугу стояла Лида, бледная и безмолвная, в таком же тяжелом старинном платье, как у нее, только бордового оттенка.

– Она не сможет уйти, если ты не отдашь ей свой венок, – подал голос эльф.

Лотта послушно сняла венок и надела на голову сестры.

– Вот и хорошо! – эльф уже стоял рядом. Он изменился как-то. Приосанился. Стал выше ростом. И намного красивее. Его глаза просто сияли.

– Что с тобой?

– Ты победила их!

– Но тебе то что?

– Это значит, теперь я здесь главный.

– И что с того?

– Ты мне помогла. Сам я не мог справиться.

– Я рада, но не проводишь ли ты меня обратно. Сама я вряд ли найду дорогу.

– Ах, да... – эльф чуть помялся. – Видишь ли, проблема в том, что я не могу тебя отпустить.

Хорошо, хоть Лида уже ушла. Нет, не ушла. Она просто исчезла. Лишь венок из крапивы лежал на лугу, где она недавно стояла.

– Что ты сделал с ней?

– Ничего, ты видела лишь призрак из лунного света. Настоящая Лида уже нашла себе пару в моих владениях. Она и не помнит уже, что пришла к нам от людей.

– Но я помню, – Лотта метнулась за венком, но эльф ее перехватил. – Знаешь, я тоже давно ищу пару. Но не безропотную старую деву, а ловкую плясунью, которая сумеет заткнуть за пояс даже стадо фей.

В его глазах полыхал красных огонек, как в костре на лугу. Красивым он уже не был, в нем проснулись черты чудовища. Как она раньше не заметила, что эльфы могут быть еще страшнее вампиров.

– Тебе не удастся одурманить меня вашими фруктами.

– Мой поцелуй не менее опасен, чем фрукты, – и он сомкнул свои длинные пальцы на ее обожженных запястьях.

ПОЕДИНОК С МЕЧТОЙ

Я – принцесса. За мою руку женихи обязаны сражаться. Такие уж условия в нашей стране. С ними ничего поделать нельзя. Традиции есть традиции. Сколько бы не было у королей боевых слонов, рыцарей и сокровищ в дар для меня – не имеет значения. Каждый из претендентов должен принять бой с моим защитником-исполином. Никто не знает, что драться на самом деле буду я. А меня победить невозможно. Ведь на меня наложено заклятие. Я убиваю и калечу женихов одного за другим. Так им и надо! Нечего свататься к девушке лишь из-за ее наследства. Что за манера вступать в брак по выгоде и без любви? Такие женихи заслуживают справедливого наказания. Я выхожу на ристалище, где обычно проходят турниры, и вступаю в бой без всяких угрызений совести. Я знаю, что я намного сильнее и ловчее моих противников. Не важно, что они сражались в войнах, а я нет. Важно, что самый умелый рыцарь из всех существующих это я. Но у меня есть маленький черный секрет, о котором из людей никто не знает.

Мой отец-король дуется. Ведь когда он умрет, я сама стану править страной. Мужа у меня не будет, потому что никому не под силу меня одолеть. А условие, что жених непременно должен пройти поединок, отменить никак нельзя. От этого пострадает честь всего королевства. Единственное, что могут сделать сваты это вместо себя выставить какого-то более сильного противника, например великана или мага. Со мной и эти фокусы не проходили. Я побеждаю всегда и всех. О такой королеве, как я, каждая держава может только мечтать. Отец гневается на меня, но ничего не может сделать. Он тоже начинает меня бояться, видя, как запросто я одолеваю в бою даже самых великих воителей.

Когда я стану королевой, то пойду войной на все близлежащие страны, чтобы мое царство росло за счет присоединенных к нему силой земель. Так нашептывает мне одно существо, которое в будущем планирует стать моим советником.

Ах да, об этом существе:

Когда ко мне впервые посватался отвратительный старик – великий султан из-за моря, я сбежала из замка и бродила по черным пустошам, куда боится заглянуть даже королевская стража. Все только и твердили о том, как тут опасно, и что никто из зашедших сюда уже не вернется живым. Я действительно как-то раз проезжая мимо в карете сама видела, как люди, зашедшие на эти территории, чернеют и скукоживаются на глазах, за минуты обращаясь в ходящие мощи. Таких людей потом можно только сжечь, чтобы они не заразили других. Так с ними и делают, если они выходят за черту пустошей. Ведь зараза с пустошей распространяется со скоростью черного ветра. Но только если кто-то ее занесет. Если никто туда не ходит, то и эпидемия остается в пределах потрескавшихся от сухости земель. Трещины тут такие, что в них можно провалиться, как в ущелье. Но мне все равно! Лучше гибель, чем брак с тем, кто омерзителен. Сама я юная девушка семнадцати лет. Почему я должна быть отдана, как приз, какому-то старому султану или королю? Уж лучше потеряться или погибнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.